

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 9

1984

Супьянбек ШЕРИПОВ

ВОЛШЕБНАЯ ДОРОГА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Супьянбек ШЕРИПОВ

ВОЛШЕБНАЯ ДОРОГА

Были-небыли Чеченских гор

Москва. Издательство «ПРАВДА». 1984

Супьянбек ШЕРИПОВ

Супьянбек Шерипов родился в 1938 году в городе Грозном. Рано начал трудиться — слесарем, рабочим на стройках. Окончил Дагестанский сельхозинститут. Творческий путь его начинался со стихов. Первым прозаическим произведением была книга «Александр Дюма в Чечено-Ингушетии» (об одном из кавказских этапов путешествия знаменитого французского романиста), которую неоднократно переиздавали.

С. Шерипов — автор ряда книг, сценариев, пьесы «Конец тропы». Его стихи, очерки, этнографические заметки переведены на многие языки мира и народов СССР. Лауреат ряда литературных конкурсов, дважды получал премии ежегодного конкурса журнала «Огонек». Член Союза журналистов СССР.

© Издательство «Правда». Библиотека «Огонек». 1984.

Супьянбек ШЕРИПОВ

ВОЛШЕБНАЯ ДОРОГА

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 14.12.83. Подписано к печати 03.02.84. А 00318. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Высокая печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,93. Тираж 100 000. Изд. № 556. Зак. № 1896. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В горах Чечни немало старожителей — кому сто, кому сто двадцать лет. Их почитают у нас не только за преклонный возраст (сейчас ученые говорят, что век — это нормальный биологический срок для человека), за большой трудовой путь, но и за то, что они являются хранителями традиций, оберегают чистоту языка и глубину фольклорной мысли, могут вспомнить предания старины, очевидцами которой они были, дать мудрый совет.

Как правило, старожители немногословны и терпеть не могут болтунов, любителей попусту почесать языки.

Рассказывают — лет сто назад это было, — поспорили как-то чеченцы: какое оружие самое смертоносное? Конечно, тогда выбор оружия не был так велик, как ныне, однако в горах видели уже и артиллерию, и пулеметы, и винтовки. Спорили долго. Один из старейших сказал:

— Страшнее всего то, от чего людей погибает больше, верно? Так вот, ружья и пистолеты не погубили столько людей, сколько злое слово. Одно легкое движение языка может принести бед больше, чем взмах сабли или удар кинжала. Глупое и неосторожное слово — вот что страшнее всего на свете.

В народе искони бережно относятся к слову, потому что знают ему цену, знают его силу.

У русского народа среди множества пословиц и поговорок об языке есть и такая: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». У нас в Чечне говорят так: «Опаснее кинжала вредное слово — его не вложишь в ножны».

В русском языке: «Что написано пером — того не вырубишь топором»; у нас: «Болтун — полбеда, болтун с пером — сто бед».

А вот аналогии для одной чеченской поговорки в русском фольклоре, может быть, и нет: «У каждого разговора — сто концов».

Это предупреждение рассказчику: если начинаешь разговор, то должен знать, чем его закончишь, все должны понять твою мысль правильно, толково разобратся в сути дела.

Поскольку до конца этого рассказа еще далеко и я знаю, чем он закончится, меня в данный момент волнует и тревожит совсем иная проблема: с чего начать?

Хочется, чтобы читатель сразу окунулся в душистый зной прогретого солнцем ущелья, ощутил бодрящее дыхание ветра, скользящего со снежного склона могучей горы, уловил схожий с клетотом горных птиц голос стремительного, прозрачного потока.

И — самое главное — услышал бы голоса чеченцев, их мудрые и лукавые беседы, серьезные и веселые споры, воспоминания, шутки.

Пожалуй, нигде так часто и буднично не сталкиваешься с силами природы, как в горах. И до сих пор (а что же было раньше, например, сто лет назад?) стихия нередко отрезает горные селения от остального мира. Повседневное противостояние могущественной природе, привычка рассчитывать только на свои силы сформировали особый горский характер, с его специфическим юмором, со своеобразным мышлением. Отсюда и оригинальность традиций, обычаев, фольклора горцев.

Никакие прогнозы не подскажут места и времени снежной лавины, камнепада, обвала. А как отгадать, что ждет вас за очередным поворотом выходящей среди скал дороги? Мощные зимние бураны, потоки камней, оползни, сбрасывающие в пропасть дома и поля, — вот это для горца является частью его быта, так же как телевизионные антенны на крышах и кинжал на поясе, как древние сторожевые башни и новенькие автомашины в гаражах.

Приглашаю вас, дорогие читатели, заглянуть хоть на несколько минут к нам, в горную Чечню. «Маршава!» Это чеченское приветствие означает, если перевести буквально, — «приходи свободным», победителем, хозяином самому себе, свободным от предвзятостей и предрассудков. «Маршава!»

Давным-давно про чудо я слышал:
Когда коварный враг врывался в горы,
То камни вдруг взрывались, словно порох,
И погребал

захватчика

обвал.

Легенды в душах оставляют след.
И эта сразу сделалась близка мне,
Когда однажды старый-старый дед
Мне показал сторожевые камни.

Они уж в почву намертво вросли,
Покрылись мхом, и влага их изъела.
А дед им поклонился до земли
И мне открыл секрет, как было дело:
«— Здесь оборону крепкую держать
Джигитам помогали камнепады,
А их творцами были камнелады...
Большие мастера! Не рассказать!

Чтоб в горы не проник проклятый враг,
Который нес с собой беду-кручину,
Тут камни устанавливали так,
Чтоб каждый в силах был
родить лавину.

В надежду горцам и врагу на страх
(Дабы усвоил он: за око — око!),
В ущелье каждом, в потайных местах
Они лежали до поры, до срока.
Точь-в-точь засады чуткие бойцы
Иль угли, тлеющие вполнакала...
О тайне этой знали только скалы
И камнелады — горцы-мудрецы.

Когда же враг в ущелье вторгался,
Хранитель тайн валун толкал слегка,
И тотчас камень-сторож вниз срывался,
За ним текла других камней река —

Могучая, всех горных рек лютее
(У тех хоть есть границы — берега),
И полчища камней, в пути густея,
Сминали, били, плющили врага».

...Не ведаю — то сказка или быть? —
Но тайну эту трогал я руками.
Мне тот старик сказал: «А ты осиль,
Попробуй-ка, столкни хотя бы этот камень».

Я к камню подступался так и сяк,
Кряхтел, пыхтел, потел — и все напрасно.
Потом подумал: радуйся, чужак,
Что он ни с места — это же прекрасно!

Ведь сколько в этом символе отрады:
Нам камни-стражи больше не нужны,
Не зря исчезло слово «камнелады»!
...Да не увидим

никогда
войны!

Горцы, которым в прошлом часто и подолгу приходилось
сражаться за свою самостоятельность, сроднились с оружием, с конем,
с походной одеждой. Замечательный певец гор Расул Гамзатов
(аварцы — соседи чеченцев: горные тропы и дороги, как кровеносные

сосуды, столетиями связывали наши народы), прославивший Дагестан на весь земной шар, много великолепных строк посвятил мирной жизни, борьбе за мир. В одном из циклов своих стихов Расул в простых, казалось бы, надписях на камнях, посуде, утвари, различных предметах раскрыл не только народную мудрость, но и ненависть к тем, кто хочет войны. Особенно ярко это звучало в надписях на оружии. Я вспомнил об этом не только для того, чтоб отдать салам моему старшему товарищу и учителю Расулу, но и напомнить, что надписи, как особый жанр народного творчества, типичны для фольклора всех горцев Северного Кавказа. Так, высоко в горах, в Утум-Кали (есть такое чеченское селение), я видел кинжал, на лезвии которого была отчеканена фраза (вот ее перевод на русский язык):

Для жарких дел рожден я от огня
И звонкой, знаменитой стали,
Но... если бы из ножен вы меня
Во время танцев только вынимали!

Дарю ее в коллекцию надписей Расула.

...Раз уж мы вспомнили о знаменитом аварце, то непременно сверкнет и другое имя — чеченское — Махмуд. Махмуд Эсембаев! Его тоже знает весь мир — он поэт танца. О нем в горах слагают легенды. Вот, к примеру, одна из них.

Чеченцы (а среди них — Махмуд) оказались однажды зимою высоко в горах и вынуждены были заночевать среди снега и льда. Собрали хворост, чтоб разжечь костер, согреться, но оказалось — нет огня. Тогда Махмуд начал танцевать. Он танцевал с таким темпераментом, что случилось чудо: от огненного его танца загорелся, вспыхнул костер!

Легенда эта не только о замечательном, неповторимом искусстве Махмуда, но и о его дружбе, готовности к самопожертвованию во имя товарищества, дружбы, братства.

К друзьям в долину пробивался
Джигит — сквозь вьюгу, стужу, снег.
Предупредить он собирался,
Что им грозит стихий набег.
Он шел и шел по тропке горной.
Как скользок лед! Как холод зол!
Пал конь уже, а он, упорный,
Шел, в снег валился, снова шел...
Опасность заходила с тыла,
И впереди ждала беда...
...В горах же встретились три силы,

Три — Солнце, Ветер и Вода.
И спор затеяли досужий:
Кто самый сильный из троих?
...Джигиту делалось все хуже,
И шаг стал медленен и тих,
Минуты, словно годы, длились,
А он обязан был спешить.
...И спорщики договорились:
Помочь ему, чтоб спор решить.
Свою показывая силу,
Светило, воспарив в зенит,
Весь лед на тропах растопило:
Шагай, мол, по суху, джигит!
А он уж изнемог. Устало
Едва тащился... И тогда
Его толкнула к перевалу
Волной упругою Вода:
«Эй, парень, где твоя отвага?
Вперед!» Вzbодрился он на миг,
Прополз еще четыре шага
И телом вновь к земле приник.
Тогда за дело Ветер взялся.
В долину птицею слетал,
Вернулся, к молодцу подкрался
И что-то в ухо просвистал.
И плечи наш джигит расправил,
Тряхнул упрямо головой,
Как будто сил ему прибавил
Тот посвист — шепот ветровой!
И снова в трудный путь пустился,
Через хребет перевалил,
В аул к полуночи спустился —
Народ геройством удивил!
Вода и Солнце тоже были
Поражены таким концом
И победителя спросили,
О чем шептался он с гонцом.
А тот, своим успехом сытый,
Ответил: «Тайны в этом нет.
Я просто передал джигиту
От всех друзей его привет.
Услышал он в приветке этом
И ободрение и зов.
Кто окрылен таким приветом —
Тот к новым подвигам готов!»

Да, прав был победитель Ветер:
У горцев братства долг в крови.
Нет ничего сильнее на свете,
Чем слово дружбы и любви!

...Мотив спора, выяснение, кто есть кто, кто самый лучший, первый,— вечный сюжет чеченского фольклора. Состязательность издревле в крови горцев. И поныне частенько можно оказаться свидетелем спора о том, кто сильнее, быстрее, выносливее и т. д.

Мне отец рассказывал о том, как заспорили когда-то несколько уважаемых старцев: кого считать самым богатым человеком в чеченских горах?

— Ахмеда,— сказал один,— у него самая большая отара.

— Ширвана,— сказал другой,— у него самый большой табун.

— Абрека Гапура,— сказал третий,— он забрал царскую казну.

А старейший из седобородых назвал Османа.

— Как? — удивились старики.— Бедняк Осман?! Вот если бы мы спорили о том, кто самый нищий, тогда б мы все назвали Османа. Так у него ж нет ничего — одна дудка. А ты говоришь, что он богаче всех?! Почему ты, уважаемый, так считаешь? Или смеешься над нами?!

Старейший ответил так:

— Осман взял шум горного водопада, клекот орла, пенье птиц, шелест листьев, звук легких шагов девушки, идущей к роднику за водой, дробный перестук копыт скакуна, посвист ветра в ущелье и сложил мелодию песни о красоте нашей земли. Если у человека есть своя песня, ее поют горы и люди в горах, разве он не богаче всех?

И уважаемые старцы в молчаливом согласии склонили головы.

Спор — своеобразная диалектика; недаром говорится, что даже сама истина и та часто познается в нем.

Не всегда споры бывают серьезными, глубокими; зачастую они приобретают шуточный характер, но даже в самом веселом противоборстве разных точек зрения легко отыскивается зерно мудрости.

Вот об одном таком застольном «выяснении отношений», свидетелем которого мне пришлось быть, я и хочу рассказать подробнее.

Умар созвал на пир приятелей бесчисленных.

Но многим он не угодил:

На место для гостей почетных

Он неизвестного джигита усадил.

Обиженные гости возроптали:

«Кто он такой, чтоб там сидеть

И свысока на нас глядеть?

Ведь нас достойней он едва ли!

И если уж по совести сказать,
Любой из нас скорей имеет право
На это место. Вот Керима взять:
У дядюшки его большая слава!»

«А Борзик — брат молочный Абдуллы,
Который стоит всякой похвалы?!»

«А Шугаип? Он деверь Сулеймана,
Объездившего все на свете страны!»

«И для Исы великая обида,
Что здесь его почетом обошли:
Ведь он зятек любимый Висаита!»
«А Магомет — в друзьях у Шерали!»

«Усам на днях с Абдулом породнился,
И шурином самого Мусы — Ахмад!»
...Ну, в общем, баламутный крик поднялся:
Кому кто брат, кому кто сват.

Тогда хозяин громко говорит
С усмешкой укоризненно-лукавой:
«Нет, во главе стола сидит по праву
Хороший друг мой — истинный джигит!

Пусть он не солнце — только светлячок,
Так что же: разве плохо это?
Он сам всего добиться в жизни смог —
Вы светитесь лишь отраженным светом!

* * *

Достоинство прожитая жизнь — один из постоянных сюжетов чеченских прозы, поэзии, фольклора. Воспитание смелости, честности, храбрости начинается в горах с самого раннего детства. Про мужественного человека у нас в горах говорят: «Он и с орлом может помериться взглядом».

Отец мой рассказал нам старое поверье: кто заберется в гнездо орла и сумеет не испугаться взгляда царя птиц, тот обретет бесстрашие.

Каждый из нас мечтал заглянуть в глаза орлу!

Однажды, когда мы с моим другом Таштамиром рано утром, еще по росе, играли возле скал, ветер принес подарок: к нашим ногам упало перо орла.

Мы притихли, разглядывая его, передавая жесткое, упругое, тускло-серое, похожее на лезвие кинжала перо друг другу. Оно — решили мы — упрек всем нам; сами горы смеются над трусами, зовут на подвиг — обретение бесстрашия.

И мы, никому ничего не сказав, полезли на гору — искать гнездо орла.

Мы не были новичками в лазании по скалам. И все же, когда добрались до утеса, на котором покоилось сложенное из нескольких сучьев гнездо орла, был уже полдень.

Часа три, скрываясь от солнечных лучей в трещине скалы, возле самого гнезда, мы ждали царя птиц. Он не прилетел. Ночь в горах наступает быстро, сумерек не бывает. Значит, нам почти не оставалось светлого времени, чтобы вернуться. Мы никого не предупредили о своей затее и знали — нас к вечеру непременно начнут искать. Вот уже две недели в нашем ущелье, как рассказывали охотники, бродят медведи, значит, взрослые будут особенно беспокоиться. Да и проголодались все здорово. Споря и обвиняя друг друга в трусости, мы начали обратный путь.

И вот почти на середине спуска к нам подлетели два орла. Они медленно плыли на уровне наших лиц, разглядывая непрошенных гостей. Мы замерли, нас прижали к скале немигающие взгляды орлов. Их глаза были желты и неподвижны. В упор смотрели на меня круглые, словно дула винтовок, зрачки.

Мы были распластаны на скале. Орлы, если бы захотели, могли легко сбросить нас в пропасть ударами клювов и крыльев. Но, покружив полчаса или три часа (разве можно было в тот момент иметь точное представление о времени?), — в общем, сколько им хотелось, — могучие птицы резко ушли ввысь, в тускнеющую синеву. А мы, переведя дух, начали торопливо спускаться вниз, к зарождающейся на дне ущелья ночной тьме.

Мы были так счастливы и веселы (еще бы: скрестили взгляды с орлами!), что просто чудом не сорвались с отвесных скал.

И пусть это покажется наивным, но затем в жизни мне часто помогало это воспоминание. Особенно если приходилось встречаться с чем-то неожиданным, с очень трудным.

А когда мы добрались до дому, нас наказали не очень строго и объяснили, что там, куда мы взбирались, орлы уже не живут, это очень старое, давно брошенное гнездо. Нам просто повезло, что случайно залетевшие в ущелье орлы не сбросили нас со скал: видимо, мы окаменели от страха, и они не признали в нас людей.

Отец сказал: никогда не надейся на счастливый случай! Если ставишь перед собой какую-нибудь цель, то несколько раз прикинь, каким путем можно ее достигнуть. И только потом отправляйся в дорогу.

Один джигит в аул соседний шел
Окольной, еле видной тропкой.
И, совершая путь свой неторопкий,
Кошель с деньгами вдруг нашел.

Джигита поразили сюрприз такой,
И замутила голову удача.

С минуты той он потерял покой,
Жить не трудом — мечтой заветной начал.

Одну теперь преследовал он цель,
Одна его томить надежда стала:
А вдруг найдется, как уже бывало,
Еще один — огромнейший! — кошель?!

Мечтая о находке столь приятной,
Забросил наш безумец все дела
И сутками ходил туда-обратно,
Все вниз глядел... Так жизнь его прошла.

Тропу шагами мерил много лет,
Но больше кошельков не попадалось.
Когда ж одумался, то оказалось,
Что он едва живой, и стар, и сед.

Стоял он, словно на своей же тризне,
Но и не сам конец его страшил,
Как мысль о том, что ничего-то в жизни
Полезного он так и не свершил:

«Ног не жалеючи, зимой, весной и летом
Впустую доверялся я судьбе!»
Вот как, в шатанье праздном и нелепом
Искал он оправдание себе:

«Нет, нет! Не зря я прожил жизнь свою!
Была тропинка здесь — одна из многих.
Ну, а теперь сию я на краю
Широкой и утоптанной дороги.

А кто ее, подумать, проторил
В настойчивой, безмерной жажде чуда?
Я! Я дорогу людям подарил,
Второй кошель выискивал покуда!

Нет худа без добра!..»

Но скажем строго:
Зря под ноги глядел ты, спину гнул.
Ведь рядышком в соседний же аул
Давно короткая проложена дорога!

.

В рассказанной истории простой
Скрыта истина, в которой нет секрета:

Пустая цель — жизнь делает пустой,
Как ни старайся скрыть ты это!

* * *

Я горжусь тем, что знал замечательного старика деда Арби. Сколько ему было лет, точно никто не мог сосчитать. Во всяком случае, он отлично помнил, как Ахмед, по прозвищу Гордец, достраивал свою сторожевую башню в горах, а это было в шестидесятих годах прошлого века. Говорят, Арби мальчиком видел плененного Шамиля. Арби переменял много профессий — был чабаном, батраком на все руки, таскал камни на стройках, вместе со знаменитым абреком Зелимханом воевал с царскими карателями. В гражданскую войну одним из первых пришел в Чеченскую Красную Армию, созданную Асланбеком. Знал в горах каждый камень. Потом организовывал колхозы, стал знатным животноводом. Любил рассказывать (если, конечно, очень попросят) о своей жизни.

— Я до революции таким нищим был, — улыбаясь, начинал он, — что у меня в доме даже мыши не водились. И собаки меня никогда не кусали. Увидят, лаять перестают, впадают в раздумье: за какое место можно укусить этого тощего человека?

Энергия у деда Арби была поразительной: в сто лет он научился водить трактор и автомашину.

— Нет ничего хуже бесстрастности, равнодушия! — часто приговаривал он.

Бессмертна, к небу тянется гора,
Такая же, какой была вчера.
Что ей, бездушной, дней, столетий бег?
В плену ж у времени томится человек,
И то торопит время от души,
То слезно молит: «Время, не спеши!»

.....

Хоть смертен я, но думаю порою:
Как славно, что не родился я горою!

Об Арби и его рассказах можно вспоминать бесконечно. Он блестяще знал чеченский фольклор и часто использовал его в своих по большей части веселых историях.

Вот, к примеру, одна из любимейших его притч.

Чеченец искал свою козу и встретил прохожего. После положенных приветствий чеченец спросил:

— Не видел ты здесь козы?

А путник ответил:

— Понимаешь, уважаемый, мой конь где-то тут бродит. Не попался?

— Нет, почтенный, не видел. А вот моя коза не перебегала дорогу?

— Пегий такой у меня жеребец,— продолжал гнуть свое пунтик,— а седло черное.

— А моя коза небольшая, но молока дает много.

— За коня я, знаешь, сколько заплатил в прошлом году?

— А таких коз у нас в селении всего две... Не найду — большое горе будет.

— Э-э, твое горе козлиное, а у меня — конь! С седлом!

— Да, почтеннейший, видно, так устроен мир; у каждого свое горе: у кого величиной с козу, у кого с коня! — со вздохом сказал чеченец.

...Вот еще одна из прибауток Арби — разговор двух петухов.

— Эй, подвинься чуть-чуть,— сказал один петух другому,— что-то тут жарко становится.

— Куда же двигаться? — отвечает второй.— Ведь мы оба на одном шампуре жаримся!

...Я помню, как однажды к нам, в горное селение Шамильюрт, где жила наша многочисленная семья, пришел в гости дед Арби и остался ночевать.

Эта ночь в горах взрывалась громами, эхо их катилось по всем ущельям, а потом хлынул ливень, загрохотали обвалы. Каменные глыбы падали с поднебесных высот, ударялись о скалы, отскакивали, раскалывались и летели, ухая, как совы, над крышами домов. Даю слово (сам видел!): валуны величиной не меньше, чем автомобиль «Запорожец» первого выпуска, взмывали в небо брызгами гигантского камнепада.

Ущелья приняли столько воды, что наполнились почти до краев, шум потока, ворочавшего тысячи камней, перекрывал рычание грома.

В конце ущелья во время всполохов молний виднелась похожая на стол вершина по прозвищу «Наковальня». В эту ночь я понял, почему ее так называли: в нее то и дело ударяли молнии, казалось, что искры летят во все стороны.

— Отчего так бывает? — ежась от грохота и скрежета, спросил я деда Арби.— Из-за чего воют горы и небо?

— Спи,— ответил он.— Утром все сам узнаешь.

Я проснулся от тишины. Светило солнце. Возле дома сидел дед Арби, выстругивал какую-то палочку.

— Ты хотел узнать, почему так бушевали горы? — лукаво спросил он.— Тогда погляди: что изменилось?

Я внимательно осмотрел заснеженный двор, вышел за изгородь, но ничего особенного не увидел. Кажется, все так же, как было вчера, позавчера.

— А вот тот цветок? — показал дед на яркий, как язычок котенка, росточек, едва виднеющийся среди старой серо-бурой травы.

— Такая гроза из-за этого маленького лепестка? — удивился я.

— Это не простой лепесток! — усмехнулся дед Арби. — Это — весна! Всю ночь зима шумела, уходить не хотела. А ее победил этот лепесток... Первый лучик весны!

...Дед Арби любил вспоминать старинные поверья.

— Вот, смотри, первый луч солнца упал на горную вершину: как только увидишь — вспыхнул снег, склон зарумянился — в этот миг можешь загадывать любое желание. И если ты увидел последний луч заката, яркий, светло-зеленый, как весенняя трава на горном лугу, проси у зеленого луча, что пожелаешь... Если заметил летящую по небу звезду, пока она горит, успеи сказать ей свою мечту...

Как с первым и последним лучом, не знаю, но с летящей звездой дед Арби испытал как много приятных, так и не слишком приятных минут. Сначала он принял летящий по небу спутник за метеорит. Дед был не готов к изложению своего желания, мечта не была сформулирована, и он, глядя на плывущую по небу звездочку, только почесывал бороду.

Спутник, разумеется, не упал, а, уверенно сверкая, продолжал свой путь.

— Что же вы загадали? — спросил я.

Тут Арби схитрил:

— Мое желание было простым. Я попросил падающую звезду — «не падай», лети подальше, чтобы все добрые люди успели загадать, что хотят.

И добавил:

— Вот видишь — если от всего сердца захочешь, то любое чудо свершится! Звезда не упала и не сгорела!

А когда ему объяснили, что это был не метеорит, а спутник, дед сначала не поверил, но потом сделал вид, что, мол, давно догадался насчет спутника и просто решил подшутить над ним. ...Дед Арби был на редкость жизнелюбив и дружелюбен:

— Помните, друзья, чем больше радостей у друга, тем веселей живется нам!

Садитесь-ка, друзья мои, теснее.

Хотите вы, чтоб я открыл секрет.

Как это я сумел, не плесневея,

Прожить на свете больше сотни лет?

Так вот, когда (давно уже!) за мною

Явился ангел смерти Азраил,

Цня существование земное,

Я прямо так ему и заявил:

«Ты окажи мне малую услугу
И вот что во внимание прими:
Я честно жил, не предавал я друга,
И никогда не ссорился с людьми.

Я помогал в несчастьи любому,
А с лютыми врагами воевал,
Я верен был и родине и дому,
Не пьянствовал, жене не изменял...»

«Что ж,— молвил Азраил,— прими за это
И честь, и уваженье, и почет.
Однако ты отмечен смертной метой,
И биография теперь — не в счет».

«Но, Азраил, законом гор ты связан!
Мое — согласен? — праведно житье!
А если так — исполнить ты обязан
Последнее желание мое!»

«Хитер ты, человеческий объедок!
Ну, говори — что надо для души?»
Тут я вздохнул: «Ах, если б напоследок
Отпробовать мне свежей черемши!»

«Ты спятил! На дворе, гляди-ка, осень.
Про черемшу земле лишь снятся сны!»
А я сказал: «Так ведь спешу не очень —
Согласен подождать и до весны».

Бедняга Азраил, чуть не взбесился,
А отступать пришлось, как ни крути.
Он в страшном огорченье удалился,
Чтобы весною вновь за мной прийти.

Явился в марте, дом собой наполнив,
(Меня хотел, наверно, запугать!),
Но раз он первого желанья не исполнил,
Я вправе был другое заказать!

Рот ангелу ухмылка растянула:
«Не проведешь меня ты больше, нет!
Что хочешь ты?» «Дозволь грехи аула —
Все, все — забрать с собою на тот свет.

Пусть земляки сто лет от счастья плачут!»
Нахмурил брови гость мой: «Погоди!
Они все станут ангелами значит?
Да их у нас в раю хоть пруд пруди!

Не выполню такую я причуду!
Уж лучше год тебе я подарю.
Потом же сотворю любое чудо!
Не веришь? Слово честное даю!*

Еще двенадцать месяцев беспечно
Я прожил среди близких и друзей,
Но счастье, как вам ведомо, не вечно,
Ко мне опять пожаловал злодей.

Уж не на шутку начинал он злиться,
(Знать, взбучку от начальства схлопотал):
«Учти, с тобой тошно нам возиться,
А лично мне ты костью в горле встал!

Я твердые имею указания,
И не спасет тебя уж ничего,
Какое б ты ни выдумал желанье —
Я мигом, тотчас выполню его!*

Подумал я: что фокусы все ваши
Пред чудом по названью «Человек»?!
Сейчас таким заданьем ошарашу,
Что от меня отвяжешься навек.

Сказал я: «Окажи еще ты милость
И сделай, коль на все способен, так,
Чтоб все у нас в ауле изменилось,
Чтоб самым мудрым сделался дурак,

Трус в храбреца лихого превратился,
Злой лихоносец совестливым стал.
Вор со своей профессией простился,
А взяточник брать взятку перестал...»

Бессильно Азраил махнул рукою:
«Тебя и слушать больше не хочу!
Фантастика — желание такое,
И даже мне оно не по плечу.

Сам, если хочешь, занимайся этим —
Всю дрянь перевоспитывай. окрест!
И — черт с тобой! — живи на этом свете,
Покуда самому не надоест».

Так он исчез... Давно все это было,
Как будто сон приснился наяву.
И многое уж время изменило,
А я, как вы все видите, живу.

Да, помирать еще не вышло срока:
Хоть строй людей нечестных поредел
И всюду поубавилось пороков —
Но нам еще куда как хватит дел!

...Дед Арби проповедовал оригинальную точку зрения на отрицательных, если так можно выразиться, героев нашего времени. Он считал, что они приносят даже определенную пользу:

Подлец, завистник, склочник — без обмана! —
Укажут четко ваши все изъяны.
А вы безжалостно избавитесь от них —
Вот вам и польза от людей плохих!

Конечно, и у деда имелись недостатки. Главный из них — безграничная доброта. Он никому не мог отказать в какой-либо просьбе, если она, конечно, была разумной. И все знали о его долготерпении, вежливости, которые часто эксплуатировались родственниками. Но однажды он, возмущившись, так отчитал своих двух внучатых племянников, что над ними потом долго посмеивались в Чечне. Вот как это произошло:

В ауле, от ветров укрытом
Гранитной грудью горных гор,
Самодовольные джигиты
Вели ленивый долгий спор.
И длились эти пререканья
Уж много вечеров и дней:
«Жизнь долгая — благоденье!»
«Нет, слава громкая ценней!»
«— Что жизнь без подвига и славы? —
Лениво повторял один,—
Грешна, смешна забота, право,—
Лишь дотянуть бы до седин!
Подумаешь, какое диво —
Прожить до девяноста лет,
Нет, надо яркий и красивый,
Как метеор! — оставить след.

Жизнь быстротечна все равно,
И человек любой не вечен.
Лишь тем, кто славою отмечен,
В удел бессмертие дано!»
— Но есть у долгой жизни свойство,—
Так разглагольствовал другой,—

Что и сама она — геройство,
Вот так-то, братец дорогой.

Зачем судьбу искать иную?
Стал знаменит, коль стар и сед.
Вот, предположим, проживу я
До ста пятидесяти лет.

Глядишь, уже попал в герои!
Мне уважение и почет.
Ко мне бурливаю рекою
Люд любопытный потечет.

А если (чудо!) мир прослышит,
Что старцу двести пятьдесят?
То тыщу книг о нем напишут
И орденами наградят.

Не только что в своей отчизне —
На весь прославится он свет!
Так лучше долгой, сладкой жизни
В горах я поищу секрет...»

...Конца не видно словопреньям,
Хоть узел топором руби.
И лопнуло тогда терпенье
У деда мудрого Раби:

— Черт с вами, спорьте, препирайтесь,
Ищите свой «особый» путь,
Но вас прошу: с трудом познайтесь
И делайте хоть что-нибудь!
Весомы не слова — дела.
Предпочитаю в многотрудьи
Я молчаливого

вола

Неумолкающему

трутню.

Работайте в теченьи дня
И на досуге спор ведите!
...А то ведь сколько лет сидите
На шее

оба

у меня!

...Подбираясь к завершению темы о горских мудрецах, хочется отметить, что не каждый седобородый мудр. Из глупого человека умного старика не получается. Но о глупых стариках не пишут и не говорят у нас, видимо, потому, что любая старость достойна уважения.

В том, разумеется, случае, если у нее позади трудовая жизнь, добрые дела.

Конечно, и у самого мудрого горца бывают такие минуты в жизни, о которых его друзья еще долго вспоминают, снисходительно улыбаясь. Я сам, например, видел лет тридцать пять назад, как один из мудрейших седобородых пытался спичкой зажечь электрическую лампочку — о существовании выключателя он не знал. А прадед моего друга, рассказывают, так и не смог до конца дней своих разбираться в часовом циферблате. Когда старика спрашивали который час, он, взглянув на часы, скрещивал руки и говорил:

— Одна стрелка — вот так, а другая — так.

Хочется подчеркнуть особо, что дед Арби, хотя и любил, как вы уже убедились, рассказы о себе и своих друзьях, но был в основном человеком молчаливым. Иной раз за целую неделю не услышишь его голоса. Вообще трудно представить болтливого мудреца. Если он целый день не закрывает рта, когда же он думает? У нас говорят: «чтобы вынуть кинжал из ножен, нужны десять серьезных причин, чтобы ударить человека словом, нужны двадцать». Один московский ученый, который хотел написать историю наших гор, сказал мне, что, хотя, по его подсчетам, в боях погибло очень много наших храбрецов, но это ни в какой счет не идет с теми потерями, которые принесли нашему народу (да, наверное, и многим другим малым народам) наветы, злоба, облыжные доносы, неумение сдерживать рвущееся с языка слово, воплощенная в умные одежды людская глупость...

Тем не менее, как известно, на Северном Кавказе живут и здравствуют более полусотни национальностей, причем каждая имеет свой язык и свою литературу, и все мы великолепно понимаем друг друга! Потому что друг с другом мы говорим на языке дружбы и братства — на русском языке!

И еще — раз уж разговор зашел о языках — одна занятная история, из-за которой деда Арби друзья долго звали «полиглотом».

На конференции одной,
Почтенной и научной,
Тянулись речи чередой —
Ровною и скучной.

Старался каждый говорить
Солидно и пространно.
И кто-то начал вдруг хвалить
Профессора Султана:

Мол, он известный полиглот,
Умом остер и светел...
Когда ж настал его черед,
Султан льстецу ответил

(И был ответ его таков —
Ученый он толковый):
«Я знаю сорок языков —
Но что же тут такого?

У нас в Чечне живет старик,
Хороший мой знакомый,—
Он сотню языков постиг,
Не отходя от дома!»

Как упустить такой момент?!
Из зала резво, споро
Сбежал один корреспондент
И устремился в горы.

Для журналиста даль не даль,
И сил, коль надобно, не жаль,
Летел быстрее пули,
И вот в Чечне, в ауле!

Корреспондент устал и взмок,
Пока взбирался к деду.
Но утомленье превозмог
И начал так беседу:

«Известно мне, вы полиглот?»
Старик скривил в обиде рот:
«Зачем меня ругаешь,
Хотя совсем не знаешь?!»

«Простите, термин уж таков!
Но правда, в самом деле:
За жизнь свою сто языков
Вы изучить сумели?!»

Ведь это сказка, это сон!
Ученых нет мудрее!»
Корреспондент магнитофон
Спешит включить скорее:

«Хотелось бы подробней знать
Про ваши все успехи».
И дед пошел перечислять,
Как будто ставил вехи:

«Я понимаю ветра речь,
В горах несущегося встречу,
И уж давненько знаю я
Змеи язык и соловья,

Горы и водопада,
Медведя, серны, кабана,
Айрана, крепкого вина
И благостного сада.

Язык земли и неба,
Язык лопаты, топора,
Язык труда, язык добра,
Язык зерна и хлеба...»

Старик бы долго говорил
О том, что знал и что любил,
Но у корреспондента
Окончилась вся лента.

Сказал с признательностью он:
«Спасибо за беседу!»
В знак уважения поклон
Глубокий отдал деду.

И год Арби переживал:
— Отнесся гость с почетом
Ко мне. За что же обозвал
Меня он «по-лиг-ло-том»?

...Теперь — последняя в этой книжке история из жизни деда Арби. (Ему было уделено так много внимания потому, что в Арби, как мне кажется, воплотились многие типичные черты наших горских стариков. А ведь именно они являются, как уже говорилось, самыми ярыми хранителями традиций и фольклора — без их мудрости трудно понять характер наших гор.)

Я назвал эту шутку «Старость не радость» — во всяком случае, сам дед Арби любил повторять именно эти слова, когда жаловался на свои годы.

«— Ох, верно говорят, что старость зла,
Как вата — ноги, шея — словно крюк.
Какие ждут меня еще дела,
Когда, ей-ей, все валится из рук?
Ну, землю кое-как вспахать могу...
Способен камни с поля я убрать...
В охотку на гармони поиграть,
Борьбу устроить на лугу...
Сад посадить, зерно помолотить...
Недавно вот траву в горах скосил...
Успел еще я кровлю перекрыть...
А больше ни на что не хватит сил!»

...Так сетовал Арби, мудрейший наш сосед,
Которому уже сто двадцать лет.

Но только смех услышал он в ответ:

— Тебе ли, право, жаловаться, дед?!

В работе дашь ты, знает весь народ,

И молодежи сто очков вперед.

И телом кряжист, и душой не сник —

Да если б каждый был таков, старик!

— Э! — дед Арби вздохнул, махнув рукой, —

В ауле встарь обычай был такой:

Тот молод, полон жизни и огня,

Кто лихо, с маху, вскочит на коня.

И встречный ветер плеткою рубя,

По горным тропам долго будет мчать...

— А ты попробуй — выйдет у тебя!

— Но где коня, скажите, нынче взять?

Теперь у всех не кони — «Жигули»,

И гонит их водитель — не седок...

Ох, старость, старость, гнет аж до земли! —

Арби, кряхтя, потер свой крепкий бок, —

Уж как там ни печалься и ни хнычь,

А время помирать, как погляжу...

Что? Спрашиваешь, чей это «Москвич»?

Да мой.

А водит кто?

Да сам вожу!

* * *

Сохранить свою национальную самобытность чеченцам помогли уважение к традициям, доброе отношение к соседям, любовь к своей земле. Чеченцы любят свои горы, луга, реки, в нашем фольклоре, искусстве и литературе тема родной земли, патриотизма звучит в полный голос.

Из чего складывается та неповторимость чувств, которая вспыхивает в душе, как только ты подумаешь, вспомнишь о доме деда и отца, где ты рос, о своих первых годах жизни? Почему так трудно передать эти ощущения? Может, это настолько лично, индивидуально, что другому и не понять? Ведь пронзительно-драгоценное чувство к родному складывается из таких штрихов, которые понятны только тебе самому. Вот мощнорогий тур перепрыгнул со скалы на скалу.

След его полета — разве забудешь? Вот луч солнца на мгновение протянулся из-за туч — блеснул и погас лазурный шелк горного озера. Порыв ветра донес запах костерка. В брызгах водопада зазвонела радуга. Прошелестели крылья орла. Десятки, сотни, тысячи таких примет за годы складываются в могучие ощущения твоего единства именно с этой природой, а не какой-нибудь иной, пусть даже более богатой и роскошной. И рождается та кровная привязанность к краю дедов и отцов, которая остается с тобой на всю жизнь.

Один чеченец, постоянно проживающий в Москве, как-то раз пригласил к себе земляков. Среди гостей был молодой человек с магнитофонными кассетами: на пленке (как он гордо объявил) «записаны голоса чеченских гор». Действительно, магнитофон послушно и старательно воспроизводил шум камнепадов и ручьев, журчанье родников и блеянье баранов, пение птиц и даже жужжание пчел.

— Ну, как? — улыбаясь, спросил владелец пленки, когда запись была проиграна до конца. — Слово в наших горах побывали!

— Вот тебе тридцать семь рублей, — протягивая деньги, сказал один из гостей. — Можешь не отдавать.

— Не понимаю вас? — удивился молодой человек.

— Это стоимость авиабилета на рейс Москва — Грозный. Стыдно утешать тоску магнитофонными консервами, когда рядом — всего в двух часах полета — родная земля.

Самой страшной карой, которой располагали боги в отношении людей, было лишение человека чувства любви к Родине. Даже к Прометею не применили этой «высшей меры» — сочли ее слишком строгой. Представляете, человек не знает своей Родины?! Пустая, не помнящая родства и прошлого своего душа бродит по миру...

«Не человек — папаха на палке», — как говорит о тех, кто обрек себя на эту жалкую жизнь, чеченская поговорка, отказывая безродным в праве называться человеком.

В одной чеченской легенде рассказывается, как мальчик заблудился в горах (он встретил стадо кабанов, и они загнали его в какое-то ущелье), а ночью ударил лютый мороз. И все удивились, когда мальчик вернулся домой жив-невредим. Как же удалось ему не замерзнуть? А его спасло от гибели, согрело в эту ночь тепло материнского сердца — мать не спала, ждала сына, волновалась за его судьбу.

Мальчик стал юношей, и снова с ним приключилась беда: однажды он был лавиной отрезан от своего селения, попал в снежный завал. И спас его от холода огонь, пылавший в глазах любимой, он согревал его.

А когда юноша стал мужчиной, пошел воевать, то в самый лютый мороз, в окопе, где он был, вместе с братьями из всех республик

страны, его согревал горящий в сердцах воинов священный огонь ненависти к напавшему на Отчизну врагу.

Беззаветная любовь к своей социалистической Родине — ценнейшее и лучшее из душевных качеств советского человека.

Патриотизм несовместим с безразличием, самоуспокоенностью, себялюбием. И — равнодушием. Это самый страшный враг всех ценностей, накопленных человечеством. Всех лучших свойств души.

Когда у меня родился первый сын, я пожелал ему:

Свои вершины к солнцу золотому
Вздывают горы в голубую высь —
Вот так же гордо ты, мой сын, держись.
Учись у гор спокойствию крутому,
Достоинством и силой налитому,
Но... только равнодушью не учись.

...Могут ли быть влюбленные равнодушными друг к другу?

Влюбленность — это вдохновение, обостренное ощущение окружающего мира, песнь сердца, одержимость. И вдруг — равнодушие?!

Но представьте себе: они так влюблены друг в друга, что им безразлично все происходящее вокруг, их не касаются заботы и горести окружающих.

В горах у нас говорят про таких себялюбков: какое дело Саиду, что есть белый свет, если папаха ему голову жмет?

Иногда так бывает и с влюбленными: что им до судеб мира, лишь бы они могли смотреть в глаза друг друга!

Но эгоизм — одна из самых страшных разновидностей активного равнодушия — любви противопоказан.

На первых порах превольготно жилось молодым.
И все их хвалили (немного завидуя им),
И сколько в тех возгласах и умиленья и жара:
«Не правда ли, два голубка? Идеальная пара!»

Казалось, ничто не способно их счастье нарушить,
Часами могли они музыку разную слушать,
И джаз понимали, и жадно вокалу внимали,
Какое везение: вкусы у них совпадали!

Так жили они, не переча друг другу, не споря.
Шум раковин слушали — голос далекого моря,
От пения птиц замирали, счастливые, оба.
Казалось бы, жить им в любви и в согласьи до гроба.

Обоих пленяла природа и музыки нега...
Но вдруг — неожиданность, гром среди ясного неба!
И года не минуло, а молодые — в разводе!
И уж ни музыке их не свести, ни природе...

Весь хор, что недавно еще в похвалах надрывался,
Умолк, удивленно... А ларчик легко открывался:
Влюбленные слушали джаз, соловьиные трели —
Да только друг к другу

прислушиваться
не умели.

...У нас есть старинная поговорка — «любовь украсть нельзя». Она напоминает о тех временах, когда еще были распространены умыкания — выкрадывания девушек из отчих домов. Это делалось в основном по двум причинам: (первая) родители девушки не хотели видеть своим зятем того, кого девушка любила; (вторая) когда девушка не хотела соединять свою жизнь с нелюбимым — тогда он, теряя голову от страсти, вынужден был в нарушение всех обычаев силой завладеть той, которую любил.

Вот тогда-то и говорили: похитить девушку можно, но любовь не украдешь.

Герой старой притчи — юноша, с ума сходя от любви, обратился с просьбой о помощи к Звездам:

— Помогите, светляки небесные, той, без которой я жить не могу, полюбить меня!

Потом он попросил Ветер:

— Она не любит меня — внуши ей любовь!

И долго умолял Водопад:

— Она каждый день приходит к тебе за водой — помоги ей полюбить меня!

А Луне сказал так:

— Моя любимая сияет среди подруг, как ты среди звезд — спаси же меня, пусть ее сердце ответит на мою любовь!

Звезды, Ветер, Водопад и Луна собрались вместе — им очень хотелось помочь юноше.

— Нет, — сказала Луна. — Если мы выполним его просьбу, то совершим дело злое, а не доброе.

— Как так?! — удивились Ветер, Водопад и Звезды.

— Если мы заставим девушку полюбить его — это будет не настоящая любовь, подневольная. И она скоро его разлюбит. Он сам должен добиться ее любви — тогда их счастье будет настоящим, — объяснила Луна.

...В давние годы, когда во время сражения брали горцы в плен кого-нибудь, то обычно пленника до тех пор держали в заключении, по-

ка его не выкупят. Того, кто приносил ему еду, называли хлебоносцем. И можно понять, как ждали хлебоносца эти несчастные. Мой друг, когда мечтал получить весточку от своей любимой, то говорил так:

— Жду почтальона, как пленник хлебоносца.

Я слышал в детстве, как старики рассказывали, посмеиваясь в усы:

«Примчался Магомед, кричит:

— Гехо попал в плен!

Мы схватились за оружие: родича надо спасти даже ценой собственной жизни — таков закон гор.

— Бросьте свои винтовки-кинжалы! — приказал Магомед. — Это не поможет!

— Давайте соберем богатый выкуп, — предложил кто-то.

— Не поможет! — сказал Магомед.

— Что ж это за плен такой проклятый, что сто родственников не могут помочь одному?! — спрашиваем мы.

— Влюбился наш Гехо! — вздохнул Магомед. — В плену девичьей красоты наш Гехо!»

...За многие сотни лет чеченский народ сложил о любви тысячи песен, легенд, сказок. И в современном чеченском фольклоре все время появляются новые произведения о любви. Вот две маленькие притчи.

* * *

Сейчас в Москве в различных учебных заведениях очень много чеченцев-студентов. Один из них, влюбившись в девушку, спросил, бывала ли она в горах?

— Конечно, — ответила она. — Там красиво и страшно, бездонные ущелья, грозные скалы, холодный блеск горных вершин, могучие водопады! И боишься и чувствуешь, что тебя неотвратимо туда влечет!

— Ты словно заглянула в мое сердце, — сказал юноша. — Я в любви, как ты в горах.

* * *

Юноша-чеченец работал на БАМе и тосковал по своим горам. Но потом влюбился в сибирячку и, разумеется, на тоску у него уже не оставалось времени. Как-то раз ему взгрустнулось, девушка это приметила.

— Здесь могучая природа, замечательные друзья, здесь — ты, — сказал ей юноша, — но... то вспомнятся мне летящие со скал ручьи, то солнечные закаты и восходы в горах, то робкие цветы, живущие на скалах...

— Так поезжай домой, родные места развеют твою тоску, — предложила девушка.

— Но там мне тоже будет грустно,— ответил юноша.— Ведь сверкающие пряди водопадов будут напоминать мне твои русые косы, закаты и восходы — твой румянец, цветы на скалах — твои глаза...

— Как же быть? — воскликнула девушка.— Я не хочу видеть тебя печальным! Где же выход?

— Да все можно решить очень просто: поедем вместе со мною в родную Чечню! — сказал юноша.

* * *

И в завершение лирической темы — одно небольшое стихотворение, даже, пожалуй, песня. Она посвящена моему верному другу — жене З. Ш.

Лайса, Лайса, ты знаешь, почему
Ночами звезды водят хороводы,
Шальную затевают кутерьму,
Рассыпавшись вразброс по небосводу?

Во тьме не видно твоего лица,
Моя Лайса!

Но если бы увидели они,
Как ты прекрасна, даже рядом с ними,
То сразу все небесные огни
В твое сложились золотое имя,

Смирясь — во славу ласковой красоты
Моей Лайсы...

* * *

...А вот шуточное стихотворение, которое, как ни странно это на первый взгляд покажется, перекликается с предыдущим. Оно написано от лица хозяина, который ждет запаздывающего гостя и очень взволнован.

Дело в том, что если горец сказал, что он во столько-то придет, то он никогда не опоздает. «Опоздание — эхо беды», — так говорили прежде, когда горы пылали в огне междоусобных схваток, войн. И, понятно, что ждущему друга хозяину дома представляются разные — одна страшнее другой — картины.

...Вот мчится джигит по ущелью,
Торопит лихого коня,
Влекомый высокою целью —
Скорее увидеть меня.

Конь, словно эхо, по скалам
Летит, не жалеючи сил.
Но — боже мой! — за перевалом
Дорогу обвал перекрыл.

Беда! Повернуть бы обратно!
Но нету дороги назад —
С вершины, гремя многократно,
Смертельный летит камнепад.

Хоть лезь по отвесному склону!
Но вверх не взобраться никак,
И дыбятся тропы и стонут
От ярких обвальных атак.

Свои у стихии пирушки,
Сюрпризы и шутки свои:
Джигит очутился в ловушке,
Как в пасти гигантской змеи.

Вы скажете: так не бывает,
Чтоб столько напастей — и враз!
Поэт, мол, слегка... привирает...
...Так можно ль спросить мне у вас:

Ведь сколько часов миновало,
Как друг обещал подойти!
Так что же его задержало
В привычном, недалёком пути?

Найдется ли кто, чтоб ответил:
По чьей запоздал он вине?
...А он свою девушку встретил,
Спеша на свиданье ко мне!

В пути, все мы знаем, плохие
Попутчики ливень и град...
Любовь — это та же стихия,
Но только сильнее стократ.

* * *

У Ибрагима спросили:

— Сколько у тебя друзей?

Ибрагим тотчас же зашевелил губами, стал загибать пальцы на руке:

— Раз... два... три... нет, не друг... три, четыре, пять, э-э, того тоже нельзя... Значит, так: раз, два, три, четыре...

— Мне тебя жалко, — сказал Бекхан. — Друзья не бараны, поголовья друзей не существует. Если приходится так мучиться, на пальцах, как неграмотному, считать, значит, у тебя друзей нет.

— Зачем говоришь такие обидные слова? — рассердился Ибрагим и сжал кулаки, словно он уже сосчитал до десяти. — У меня друзей видимо-невидимо!

— Тогда, значит, нет ни одного настоящего, — усмехнулся Бекхан.

И мне вспомнилась старая притча: один человек захотел познать наш народ. Сначала он чуть ли не целый год лазил по чеченским горам. Затем решил изменить методику познания и вместо бесконечных походов он начал ходить в гости — пировал, слушал песни, сказки, анекдоты, но когда на следующую весну стал подводить итоги, оказалось, что он так же далек от своей цели, как и два года назад.

И тогда, сжалившись над ним, один из уважаемых горцев сказал:

— Две зимы и два лета ты потерял зря. Душу народа можно узнать не в путешествиях, не на пирах, а в дружбе. Если бы ты обзавелся настоящими друзьями, потрудился бы с ними вместе, пожил бы их жизнью — твоя благородная цель была бы давно достигнута.

Собрался Ибрагим высоко в горы...

Но можно ли довериться судьбе?

И на друзей он обращает взоры:

Кого же взять в попутчики себе?

Ну, без сомнения, храброго Махмуда,

Вот сила — любо-дорого глядеть!

Медведя встретит — будет зверю худо,

Он даже барса может одолеть.

Арби-мудрец достоин уваженья:

В решеньях — скор, в словах — суров и прям.

И выход из любого положенья

Найдет он, пробираясь по горам.

Охотнику Хусейну были б рады.

Вот ловкости кому не занимать!

Поможет всем, осилит все преграды

На тропах, где башку легко сломать.

...Так всех друзей достоинства и силы

Оценивал неспешно Ибрагим.

Но в голову ему не приходило:

А сам-то чем полезен он другим?

.

Джигит, не будь смешон, глупцу подобен!

Спроси себя, коли умом остер:

Что для огня подбросить ты способен

В достоинств общих дружеский костер?

...Когда Александр Дюма-отец путешествовал в горах Чечни, то он записал в свой дневник отрывок из разговора двух горцев: «Скажи, твой товарищ верный человек? — Не знаю, я с ним еще в беду не попадал!»

В горах великий французский писатель увидел своеобразное преломление изобретенного им мушкетерского характера. Кавказская поездка Дюма нашла немалое отражение в его дальнейшем творчестве. Некоторые исследователи творчества Дюма считают, что многое из кавказских заметок писателя оказалось утеряно (в частности, записи чеченского фольклора). Дюма упоминал, что записал большое число легенд, песен, сказок, но в его рукописном наследстве они пока еще не обнаружены. Есть надежды, что все же хотя часть их будет найдена — ведь почти каждый год приносит литературоведам все новые и новые рукописи Дюма, которые оказались разбросанными по всему миру и о существовании многих из них даже не было известно. Однако же нет сомнений, что старинный фольклор, столетиями бытующий в чеченских горах, был известен Дюма, ибо сходные сюжеты вкраплены их в произведениях «кавказского цикла» («Султанетта», «Письма о великой Кавказской стене» и т. д.).

Вот современный, вольный перевод одной из шуточных баллад, которые бытовали и во времена поездки Дюма по Чечне.

В горах Саид к грабителям попал.
Казалось бы, конец ему, пропал!
Но произнес заветную он фразу —
И сжалились над ним бандиты сразу.

Потом он в лапы угодил к Морозу
И так продрог, аж выступили слезы.
Но ту же фразу парень произнес —
И отступился от него Мороз.

А летом Солнца жаркая метла
Грозила полю: все спалю дотла!
Саид заговорил — и гнев на милость
Сменило Солнце и за тучей скрылось.

Народ окрестный недоумевал:
«Какою же проникновенной речью
Саид наш состраданье вызывал
И заставлял идти себе навстречу?»

Откроем вам заветных слов секрет:
В очередную влипнув передрагу,
Саид стонал: «Зачем мне белый свет?
Ведь у меня друзей и не было и нет!»

...Ну, как не пожалеешь бедолагу?

.

Несчастный самый в мире человек,
Кто коротает без друзей свой век.

* * *

— Счастье, куда ты идешь?

— Туда, где живет дружба.

Так говорят в горах. Конечно, речь идет о настоящей, проверенной в бедах и радостях дружбе.

А сколько на свете врагов у дружбы? Сильнее они ее или нет? Это частые темы разговоров в свободные часы, в длинные зимние ночи или тогда, когда нет трансляции футбольных матчей, а на экранах телевизоров (телевидение смотрят и в горах) идет какая-нибудь скучнейшая передача.

Как-то раз в неспешной вечерней беседе друзья начали перебирать те человеческие пороки, которые принесли много вреда любви, дружбе и другим замечательным высочайшим проявлениям человеческого духа. И, в частности, один из самых коварных и страшных:

Царит в горах тугая тишина.
Как в шапках, в облаках безмолвные вершины.
Вдруг шустрый муравей в тиши несокрушимой
Толкнул, ползя, песчинку... И она
Помчалась, безобидная такая,
По склону вниз, песок с собою увлекая.
Глядишь — уж катится могучая река
Из шелестящего песка.
Столкнет и камень этакая сила!
Сорвалась груда целая. И вот
Кипит в горах крутой камневорот —
Его одна песчинка сотворила!
И уж теперь шуми, обвал, лети —
Все, всех сметая на своем пути!

...Вот так и клевета. Пустяк — ее начало,
А вырастает иногда и до обвала.
Построенная только на песке,
Подобна станет каменной реке,
Коль мы не пресечем ее в истоке.
Потом немалые понадобятся сроки,
Чтоб тех спасти, кто под обвал попал.
А ты казниться будешь: прозевал, проспал...

...«Вежливость — одна из доблестей горца», — так можно перевести популярную чеченскую пословицу. Невежливому поступку, проявлению даже малейшего неуважения, которое в современном городе, пожалуй, и осталось бы незамеченным, в горах всегда придавалось очень большое значение. Может быть, потому, что горцев в старину было не так уж много, каждый человек оказывался на виду, и его взаимоотношения с любым другим человеком рассматривались словно в увеличительное стекло. А о чем можно было прежде, лет шестьдесят назад, поговорить меж собою в свободные часы? Кино, театра, телевидения не было и в помине, про радио едва ли кто-нибудь слышал, почти все население было неграмотным, и тех, у кого имелись дома книги, знали наперечет.

И обсуждение поведения друг друга было делом очень серьезным: ведь в контактах с близкими своими, с земляками, соседями раскрывался характер человека.

Бывали и крайности: помню, мне рассказывали про одного человечка, который в жизни никого не обидел, всегда находил способ сгладить острые углы, больше всего на свете боялся поссориться с кем-либо, всем говорил хвалебные слова.

— Лстец — такой же враг, как те, кто угоняет наши стада, — сказали про него старики. — Если человек все время тебя хвалит, то ты в конце концов поверишь ему. И это будет первым твоим шагом в пропасть. Кто знает, сколько людей лстец погубил своей хвалой за те сорок лет, пока его язык источает мед?

И лстеца изгнали, запретили ему появляться на своей родной земле. Ходили слухи, что он якобы получил разрешение вернуться в родной дом только перед смертным своим часом.

Не нужно думать, однако, что все горцы беспрдельно вежливы и терпеливы. Иной раз выдержка изменяет даже им, и тогда возникают различного накала конфликты, — ведь вежливости есть предел.

Вот был из жизни старого аула:

Покладистость — не худшее из зол.

Иса вовек хозяев не обидит

И сам из-за стола обиженным не выйдет.

Каким бы ни был этот стол.

Он будто дал себе обет:

Не омрачать застолья — нет и нет!

Ему шашлык подсунут из барана,

Который из-за лет преклонных сдох,

А он губами чмокает: «Ох и ох!
Ягненок-то совсем не плох.
Жаль, что зарезан слишком рано...»

Дадут галушки, липкие, как глина,—
И тут лицом он не ударит в грязь.
Умильную состроит мину
(сырым комком, естественно, давясь),
И пробормочет в восхищеньи:
«Ну, и галушки! Чудо угощенье!
Поверите ли — райская еда!
Не пробовал такой я никогда».

Он будто дал себе обет:
Не омрачать застолья — нет и нет!

Недавно на пиру (а шло все ладом)
Иса вдруг встал, сверкнул сердитым взглядом!
«Средь нас, друзья, двуличный человек!
Я не могу сидеть с ним рядом!»

— Но ты же дал себе обет:
«Не нарушать застолья — нет и нет»?!

.

Какой уж тут, друзья, обет?!

Иса бы съел любой обед,
Но человеческий порок
Ни видеть, ни терпеть не мог...

* * *

Мои земляки живут дружно, любят по-доброму пошутить, часто посмеиваются друг над другом. В беседах, разговорах (даже мимолетных), то и дело вспыхивают острые словечки, вспоминается какой-нибудь случай, притча, пословица. Особенно не любят горцы нескромности, похвальбы, саморекламы.

Муслим, прослыть желая доброхотом,
Знакомому папаху подарил.
Весь день он всем об этом говорил,
Но слушали Муслима без охоты.

«А громких где похвал приятный жар? —
Спросил себя Муслим с обидой тайной,—
Иль думают, что это жест случайный?
Иль слишком скудным мой считают дар?»

Ну, я им покажу! И в изумленье
Воскликнут люди: нет его добрей!
По долам и горам, по всем селеньям
Пойдет молва о щедрости моей!»

Приателям, при всем честном народе,
Богатые дары он преподнес.
И, подбоченясь и задравши нос,
Муслим павлином по аулу ходит.

Но слышит лишь смешки. Поник Муслим.
Домой он туча тучей воротился.
И вот с недоумением своим
Он к мудрецу седому обратился:

«Скажи, отец, уж я ль не тароват?
Вон сколько раздарил добра знакомым,
Меня ж должны хвалить по всем законам,
А все смеются только иль молчат.

И вместе с тем все хвалят Ибрагима:
Ведь помнит и доньне весь аул,
Как нищему, что шел случайно мимо,
Он старую папаху протянул!

Папахе грош цена по всем приметам!
Подумаешь, какую «щедрость» проявил!
Вот я...»

Мудрец его остановил:
«Но Ибрагим помалкивал при этом!

Своею не кичился добротой,
Не ждал похвал и лести без предела,
А просто, от души своей простой,
Он скромно совершил благое дело.

Так дарят людям яблони в саду
Свой урожай — безмолвно и спокойно...
Тогда лишь щедрость похвалы достойна,
Когда она со скромностью в ладу».

* * *

Как уже говорилось, горцы очень любят посмеиваться сами над собою. Поэтому старые чеченские притчи знает у нас каждый — и стар и млад. Вот хотя бы два «медвежьих» сюжета.

Скупой чабан и его младший брат пасли в горах отару. Медведь решил полакомиться парной бараниной (хотя некоторые специалисты-

охотоведы и считают, что медведи свежего мяса не любят, но этот зверь, видимо, был исключением из правил). Чабаны схватились с медведем. Хуже пришлось скупому. Но когда младший брат хотел ударить медведя кинжалом, то скупец, уже еле дыша в медвежьих объятиях, простонал:

— Рукояткой бей его, рукояткой... а то шкуру испортишь, за полцены пойдет!

...И еще шутка про медведя.

Горец спросил приятеля:

— Представь себе, на узкой тропе ты столкнулся носом к носу с медведем, что сделаешь?

— Из ружья выстрелю.

— А если ружья у тебя нет?

— Кинжалом ударю.

— А если и кинжала нет?

— На скалу залезу.

— А если скала такая гладкая, что на нее не влезешь?

— Ни ружья, ни кинжала, даже скалы нет! — воскликнул, рассердившись, приятель. — Клянусь, не пойму: ты чей друг — мой или медведя?!

И еще в том же шутейном плане о «чутком» друге:

В жизни нашей встречаются люди,
Коль послушать — сама доброта!
И готовы прикрыть тебя грудью
И в меду обещаний уста...

Висаит — давний школьный приятель,
Чуткость пенится через край:
Замечательнейший сострадатель,
Хоть его самого утешай.

Как-то встретил меня у больницы
И разохался: «Бедный мой друг!
Грипп? Ангина? Прострел в пояснице?
Иль похуже нашелся недуг?

Жизнь сюрпризов полна и коварства!
Для чего ж существуют друзья?!
Я тебе раздобуду лекарства,
Медсветил приведу к тебе я!

Уж вниманьем тебя не оставлю:
Верь мне — на ноги быстро поставлю,
Будет крепок, прекрасен твой сон!
Дай-ка — я запишу телефон...»

...Через год мы увиделись снова
(Стушевала все дел толкотня),
Висаит громко крикнул: «Здорово!
Не забыл ли ты, друг, про меня?!

Почему в твоём взгляде тревога?
Что-то твой мне не нравится вид!
Видно, пишешь по-прежнему много,
А литкритика только хулит?

Иль, прости меня, с деньгами туго?
От меня-то уж ты не таи.
Коли трудно, я выручу друга.
Ведь заботы твои — как мои!

Я вниманьем тебя не оставлю.
Дам займы! Похваляю и прославлю!
Будет крепок, спокоен твой сон.
Дай-ка я запишу телефон...»

Года три незаметно промчались —
Висаита я не вспоминал.
На вокзале мы вдруг повстречались:
Я приехал, а он уезжал.

И с подножки, не скрылся покуда,
Чуткий друг, тенорочком звеня,
Все кричал: «Помогу! Не забуду!
Ты во всем положишь на меня!»

* * *

Очень популярны в горском фольклоре басни. И прозаические и стихотворные. В прозе их эффект зачастую достигается за счет каламбуров, очень трудных для перевода, идеоматических выражений, русское соответствие которым порою невозможно отыскать.

Создаются басни и ныне, на современном материале:

Хасан, большущий гвоздь вгоняя в стену,
Вовсю лупил по шляпке молотком.
А при азарте, рвении таком
Уж что-нибудь случится непременно!

Бац! Молотком по пальцам угодил.
Хасан от боли взвыл истошнее шакала
И молоток в сердцах швырнул что было сил
Он на пол так, что ручка затрещала
И — хрясь! — сломалась. А произошло

Все это при соседе. Тот папаху
Сорвал с себя, чудак, единым махом
И стал ее топтать, рассерженно и зло.
Глаза на лоб полезли у Хасана:
«Ты что, сошел с ума?» «С чего ты так решил?
Скорняк мне кое-как папаху эту сшил,
Так вот ей, вот, уродине поганой!..»
«Постой,— сказал Хасан.— Ты пьян, брат, без вина!
Ну, в чем, скажи, папаха виновата?
Коли уродлива, так это же вина
Растяпы-скорняка. Его пусть ждет расплата!»
Сосед в усы седые улыбнулся:
«Ах, вот ты как заговорил?
Так чем же молоток вдруг стал тебе не мил?
Ведь по гвоздю не он, а ты, брат, промахнулся!..»
...Так часто за свою оплошку
Других спешим мы наказать!
И на здоровую — увы! —
С больной все валим головы.

...Среди притч особенно популярны те, в которых рассказывается о проблемах бытовых, моральных. Самые немудреные житейские назидания традиционно пользуются у горцев популярностью. В стихотворениях этого жанра уже из самого заголовка ясно, о чем пойдет речь: о жадности или скупости, зазнайстве или самоуверенности. Вот «О призвании»:

Джигит Хасан в своем ауле
Пустым считался болтуном.
И вот на пире на одном
Ему прозрачно намекнули:
Мол, кто болтлив, тот глуп. С тех пор
Хасан скромнее стал барана,
Ни в чей не вмешивался спор
И избегал бесед пространных.
Он мудрым сам себе казался,
А ведь аул над ним смеялся:
«Вот парень! Все молчит. Видать,
Хасану нечего сказать!»

Тогда решил он в разговоры
Вставлять хоть пару умных фраз,
Что били бы не в бровь, а в глаз.
...И натерпелся же позора!

Что он ни брякнет — все не к месту,
Все не в дугу, все не впопад.
Такую схлопотал «известность»,
Что сам был этому не рад.

Печальный, он стопы направил
К старейшему из мудрецов
И так вопрос пред ним поставил:
«Что ж делать мне в конце концов?

Молчу — беда. Болтаю — худо.
Вот так живу, судьбу кляня.
Какое ж сотворить мне чудо.
Чтоб люди слушали меня?»

Старейший, взор свой опустив,
Молчал какое-то мгновенье
И вдруг промолвил в восхищенье:
«Э, как же голос твой красив!

И вот совет мой: коль предстанешь
Перед насмешливой толпой,
Ты лучше не болтай, а пой!
И верь мне: знаменитым станешь».

Хасан послушал мудреца,
И по заслугам и по праву
Завоевал он скоро славу
Сладкоголосого певца!

.

Частенько парень скромный сам
Талант свой в землю зарывает...
Как часто в этом мире нам
Советов мудрых не хватает.

* * *

...Может, не все знают, что камни в горах бывают живыми и мертвыми. Много бед может принести мертвый камень, если вовремя не распознать его. Чеченцы, с детства живущие в горах, никогда не спутают мертвый камень с живым, хотя по внешнему виду их почти невозможно различить.

Способов определить сущность того или иного камня много. Самый простой: ударить по нему другим камнем. Живой выдерживает любой

удар, звенит, как наковальня. Мертвый камень выглядит монолитным, крепким, но разваливается легко, оказывается трухлявым, словно сгнившим, а иной раз рассыпается, будто он наполнен пылью.

Ученые нашли убедительные и великолепно доказуемые причины этого явления, однако мне больше по душе старинное горское предание, которое посчастливилось записать несколько лет назад.

Петрография — наука о камнях, тогда, видимо, в горах была неизвестна, иначе мы лишились бы этой одной из самых поэтических фантазий.

Оно связано с нартами — легендарными богатырями гор, о которых (почти у всех народов Северного Кавказа) существуют эпические поэмы. Нарты могучи, их кони под стать героям. Если нарт едет на коне, то кажется, что над ним летают птицы, а впереди стелется туман. Птицы — это камни из-под копыт, а туман — пар от дыхания.

Так вот, когда рождается горец, нарты роднят его душу с каким-либо камнем. Где лежит этот камень, каков он — никто, кроме нартов, не знает. В камне этом заложены, запрограммированы все качества — душевные и физические — человека, с которым он породнен. (Поскольку эпос о нартах существует несколько сот лет, то современные генетики могут позавидовать этой самой древней — насколько мне известно — генетической теории в мире.)

Такой камень, говорят, растет быстро, он может стать большим, как скала, но при одном условии: если горец совершает подвиги, достойные своего народа. И растет медленно, если тот человек, которому он посвящен, нарушает заветы отцов и дедов. Чем больше неблагоприятных поступков на душе недостойного, тем трухлявее его камень. Хотя внешне камень крепок, хоть в стену боевой башни клади!

И в жизни, к сожалению, нередко встречаются люди, которые внешне выглядят богатырями-красавцами, честнейшими из честных, а внутри у них — невидимая глазу труха, гниль, плесень. Эх, если бы знать, где лежат их камни! Сколько бы добрых дел было спасено, сколько недобрых предупреждено!

Раз уж снова разговор зашел о горских легендах, то хочется вспомнить еще одну — о волшебной дороге. Она в какой-то степени перекликается с сюжетами песен о нартах, поскольку в этих песнях-сказаниях вообще много всяких превращений, волшебств, фантастических приключений.

Законы гор добры и строги —
Открыты гостю все дороги.
Но есть один волшебный путь
(Так говорят легенды наши):
То людям он совсем нестрашен,
То шею можно там свернуть!

Для одного он прям и гладок,
Как лунный луч. А пред другим
Вздывает скал литые гряды,
Обрывом падает крутым.
Тропа изменчивая та,
Что мнится то крутой, то гладкой,
Всегда для всех была загадкой,
Хотя отгадка и проста:
Волшебный путь хорош для тех,
Кто с чистым сердцем к нам стремится,
Ну, а подлец пусть устрашится
Преград, завалов и помех!
...Я пометать хочу немного,
По-доброму, а не со зла:
Ах, если б каждая дорога
У нас волшебною была!

Горы формировали многие качества в людях — храбрость, смелость, смекалку, выносливость. Народная молва приписывала горам еще и роль своеобразных воспитателей. Не усмевайтесь — многие скалы и утесы так обросли легендами, сказками, притчами, что малыши всерьез относились ко всему, что слышали от взрослых, и даже потом, когда наступала переоценка ценностей, шла перестройка характера и мировоззрения, продолжали с большой симпатией относиться к своим детским ощущениям, связанным со всем, что касалось гор.

Помню одну скалу — мрачную, темную, без травинки — называли «Смертью Трусов». Она находилась высоко на горном склоне и, казалось, вот-вот скатится. Но мы знали, что так просто она не свалится — она опасна только для того, кто трусил больше трех раз в жизни. Рассказывали, что уже несколько трусов погибли под ней, а наутро скала снова была на своем месте...

Мы боялись скалы «Нарушенное слово». Она непременно должна была обрушиться на тех, кто не сдерживал своих обещаний, оказывался необязательным человеком.

Тому, кто любил приврать, тоже не просто было ходить по горам — его подстерегала «Скала Лгунов». Она издали походила на большую каменную ладонь, которую гора приставила к своему гранитному лбу, словно пытаясь рассмотреть далекие вершины, виднеющиеся в конце ущелья. Согласно легендам, «Скала Лгунов» упадет когда-нибудь на любителей вранья. И мы, мальчишки, часто с испугом представляли себе, как каменная ладонь прихлопывает кого-то из наших знакомых.

И еще было много скал, камней, утесов с различными воспитательными функциями. Представляете, как трудно бы жили горцы, если бы все это было правдой!

Когда сейчас я вижу в горах извилистые тропки, петляющие безо всякого смысла вокруг прямо проложенной дороги, поневоле начинаю оглядывать местность: где-то тут непременно должна быть какая-либо «педагогическая» скала, грозящая карой прогульщику, бездельнику, неверной жене или тунеядцу. Если вам, дорогой читатель, придется быть в горах, обратите внимание на нелогичность некоторых троп, слишком уж витиеватых, и вы поймете, что вера в чудеса еще теплится в сердцах горцев.

Если попросите, старожилы гор расскажут вам сотни примеров того, как важно быть правдивым, честным, добрым. Как уже говорилось, именно старики являются у нас основными хранителями обычаев, обрядов, традиций. Но при этом надо учитывать их любовь к юмору. Поэтому не всегда сразу поймешь — всерьез они рассказывают очередную легенду или в шутку. Сами же они очень любят посмеяться над своими годами, друг над другом.

Недавно, когда я был в селе, Асланбек Шерипов, мой родственник, всю жизнь проживший в горах, рассказал притчу о двух торговцах.

Встретились на базаре два чеченца.

— Чем торгуешь? — спросил один.

— Продаю мудрость, но вместе со старостью. А ты что принес на базар?

— Молодость, но продаю ее вместе с беспечностью, легкомыслием, себялюбием.

Начали торговлю. Народ вокруг толпится, спорит. К концу дня один из них все, что у него было распродал, а другой так и остался при своем товаре.

— Как ты думаешь, — спросил меня рассказчик, — кто ничего не продал?

И, не дождавшись моего ответа, сказал:

— Конечно, тот, кто торговал мудростью и старостью. А вот молодость, даже беспечная, эгоистичная, легкомысленная, бралась нарасхват... Недаром ведь говорят: тысяча мудрецов не смогут достать из ущелья камня, который туда бросит какой-нибудь молодой глупец.

И тут же, безо всякого перехода, мой старший друг задал загадку:

— Как называется ущелье, которое не имеет дна?

И, как обычно, не дождавшись моего ответа, произнес со смехом:

— Не ломай голову, все равно не догадаешься! Пузо обжоры!

Потом подумал и сказал:

— Велика папаха, да под ней пустота... Не обижайся — это не про тебя. А знаешь, как у нас говорят о тех, кто много болтает, но мало делает?

Тут уж мне деваться было некуда, пришлось вспомнить юность, когда мы играли в загадки-отгадки, и я ответил:

— «Больше дыма, чем шашлыка».

— Наконец вспомнил, что ты горец,— усмехнулся мой друг.— Значит, у тебя под папайхой сохранилось еще кое-что...

Вот в такой манере старики и ведут разговоры — с притчи на поговорку, с пословицы на загадку. Только успевай запоминать — записывать при них нельзя, непринужденной беседы не получится.

Особым уважением и почтительным вниманием пользуются наставники-учителя. С первой школьной учительницей у меня связаны самые радужные воспоминания. Шли тяжелые послевоенные годы, все жили трудно, школа была для меня праздником. И прежде всего потому, что наша учительница Т. Г. Гитман была не только одаренным преподавателем, но и человеком большой души. Мы учились вместе, в одном классе — русский Павел, немка Эльвира, украинец Валентин, кореец Хегай. Дружили, часто все бывали в гостях у любимой учительницы, получая у нее незабываемые уроки человечности и гражданственности. Она понимала все, что происходило в наших сердцах, и умела каждому подарить свою доброту, свою улыбку, свою заботу.

Нет ничего прекраснее на свете,
Чем торить в Завтра трудную дорогу.
Ее протянут к солнцу наши дети
И будут нам завидовать немного:
У нас препятствий было и не счесть,
Но НАЧИНАТЬ — особенная честь.

Есть старая поговорка — «ученье начинается во чреве матери».

Одна из женщин, которая очень хорошо пела — за ней, бывало, приезжали из самых дальних уголков Чечни приглашать на свадьбы, торжества,— была матерью девяти детей. Пятеро мальчиков и четыре девочки пошли талантом в мать — отлично пели. Женщина объясняла это так:

— Как только я начинала ждать ребенка, то пела как можно больше. Дети мои еще до рождения привыкали к пению...

Сейчас ученые утверждают, что внешняя среда оказывает большое влияние на ребенка еще до его рождения. Понятно, будущая мать лучше чувствует себя, если ей приходится дышать морским или горным воздухом, нежели загрязненной атмосферой большого города. Но гораздо важнее, как мне кажется, атмосфера, царящая в семье, где растет младенец.

В нашем роду есть человек, на которого мы равняемся. Он является не только примером для всех поколений Шериповых, но и тем идеалом, по которому мы меряем свои дела, свою жизнь. Это Асланбек, национальный герой чеченского народа, один из первых большевиков в наших горах, борец за установление Советской власти на Северном Кавказе, создатель и первый главнокомандующий

Чеченской Красной Армией. Его горячо любил народ, его поддерживали товарищи Киров и Орджоникидзе, он прославился своей честностью, прямотой, силой своего слова.

Асланбек был широко образованным человеком — еще до революции издал первую книгу чеченского фольклора (на русском языке, потому что у чеченцев до революции не существовало письменности). Он участвовал в работе многочисленных революционных кружков, с честью представлял свой народ на съездах и конференциях, на переговорах. И прославился своим бесстрашием, всегда мчался впереди кавалерийской лавы в атаку.

Вражеская пуля оборвала его жизнь накануне двадцатидвухлетия.

Сейчас в Чечено-Ингушетии имя Асланбека носят поселки, села, улицы, школы, библиотеки.

На одной из площадей города Грозного, столицы нашей автономной республики, стоят три гигантские фигуры, устремленные вперед, в будущее. Это большевики — революционеры, борцы за Советы — русский Николай Гикало, чеченец Асланбек Шерипов, ингуш Гапур Ахриев. Символ неразрывной дружбы трех народов, закаленной в боях за торжество революции. Они вместе боролись, вместе победили.

Николай Гикало сказал на похоронах своего друга Асланбека:

— В горах веками будет греметь эхо, повторяя его светлое имя. И в наших сердцах оно будет звучать вечно.

Как мне рассказывали его соратники, Асланбек очень любил цитировать фразу, которую (он всегда это подчеркивал, чтобы его не обвинили в присвоении чужих мыслей) прочел у какого-то французского писателя:

«Не надо бояться смерти, друзья: когда мы есть — ее нет, а когда она есть — нас нет».

Но однажды его спросили: почему чеченцы, находящиеся в смертельной опасности, почти всегда сражаются молча?

— Потому, что настоящие герои никогда не кричат о своей любви к родине, народу, партии — они умирают за них, — ответил Асланбек.

Заветы Асланбека Шерипова, пример его жизни — короткой, яркой, яростной, громкой — с первых же дней служили для нас путеводной звездой. Нас, совсем еще малышей, уже интересовало все об Асланбеке: и мелкие детали его жизни, его привычки, легенды, которые сложил о нем народ, и песни, которые пели и поют о нем чеченцы. Какие сказки он любил? Что ему рассказывали старики?

Мы рано узнали, что нашему Асланбеку нравились сказки о смелых и умелых, где героями были люди добрые и сильные, готовые отдать жизнь за дело народа, за справедливость.

Вот одна из самых любимых его сказок (о ней рассказывала мне в 1980 году родная сестра Асланбека, которая надолго пережила своего брата).

...Однажды стали пропадать люди. Пойдут в соседний аул — назад не возвращаются. Охотник уйдет в горы — и больше о нем ничего не слышно. Женщины отправятся к родственникам — совсем рядом, за гору — исчезают, словно их лавина унесла.

— Беда входит в широкие, как ущелье, ворота, а уходит в маленькую, как глазок иглы, дырочку, — сказали старики. — Видно, снова, как сто лет назад, Сармик — огнедышащий змей явился в горы... Больше некому... Пока он не погубил всех нас, нужно избавиться от него.

Пошел сражаться с Сармиком один из самых знаменитых в горах храбрецов и не вернулся.

Пошел другой — пропал.

Погиб и третий... десятый... двадцатый...

Плачут люди, горюют: что делать?

— Кому идти еще? — вздыхали старики. — Папах много, а мужчин настоящих уже не осталось!

Тогда Геха, юноша из Шатоя, вызвался помериться силами с Сармиком. Старики удивились: Геха не был самым сильным и самым знаменитым воином в горах. Однако делать нечего, согласились.

Геха пошел к Сармику.

Лежит змей, дыхание его опалает склоны гор, животом своим он ущелье, как затычкой, заткнул: ни пройти, ни проехать.

— Как ты осмелился явиться без оружия? — зарычал Сармик. — Хочешь позор накликать на мою голову? Чтобы пошел слух, будто я расправляюсь с безоружными?!

— Ты сильнее всех, — сказал Геха Сармику. — Это знают деды и внуки, внуки внуков... Ты не боишься ни кинжала, ни ружья. Зачем мне мериться с тобой силой? Лучше померимся умом. Может, ты боишься? Знаешь, что я не глупее тебя?

Сармик дыхнул пламенем и сказал:

— Хорошо. Задам тебе пять загадок. Если хоть на одну не ответишь — значит, я победил.

— А если отвечу на все пять? — спросил Геха.

— Этого не может быть, — сказал Сармик.

— Но если так случится, — продолжал Геха, — то ты навсегда покинешь наши горы и даже дети твои сюда позабудут дорогу.

— Хорошо, — согласился Сармик и захохотал. Огонь вырвался из его пасти и взлетел к небу, а в горах от грохочущего его смеха начались камнепады.

— Вот первая загадка, — успокоившись, произнес Сармик. — Скажи, что это за животное: по земле не ходит, на небо не глядит, гнезда не вьет, норы не роет, а детенышей выводит?

— Рыба, — ответил Геха.

Сармик покрутил головой, дыхнул огнем и задал второй вопрос: — Что на воде лежит, да не тонет, захочешь поднять — руками не возьмешь, захочешь догнать — не догонишь?

— Тень, — усмехнулся Геха.

— Чему ты смеешься? — спросил Сармик.

— Если все твои загадки такие, то их можно и не загадывать больше, — ответил Геха. — Сразу уползай, улетай, убегай с нашей земли.

Сармик рассердился:

— Готовься к смерти, Геха! Вот третья загадка: дай мне такой котел, который пуст, когда стоит отверстием вверх, а когда его переворачивают — становится полным.

Геха снял свою папаху и сказал:

— Вот этот котел! Когда он на голове — он полон, когда его снимают, ставят на дно — становится пустым.

Сармик с такой силой дыхнул огнем, что пламя растопило снег на вершинах гор.

— У матери семь сыновей, годами равные, а именами разные — что это? — задал четвертую загадку Сармик.

— Неделя! — ответил Геха. — У нее семь дней!

Сармик вздрогнул, зашипел от злости:

— Не радуйся, Геха, у меня еще одна загадка есть... Ответишь — выполню свое слово, навсегда вас покину. Но если ты...

— Знаю, знаю, что со мной будет, не пугай! Любишь зря слова тратить: сразу видно, что ты не из наших гор! Задавай свой последний вопрос.

Сармик долго думал, потом сказал:

— Что в огне не горит, в воде не тонет, в земле не гниет?

Задумался Геха. Все радостнее сверкали глаза Сармика, а хвост его заплескал в предвкушении победы.

Но Геха вдруг улыбнулся и ответил:

— Имя человеческое не горит, не тонет, не гниет, если это имя носит честный человек!

Так Геха спас горцев от гибели...

...Нужно, пока еще живы в памяти рассказы наших старших родственников, собрать все сказки и легенды, которые любил Асланбек. — замечательная и поучительная книга получилась бы!

Об Асланбеке рассказывают, что он однажды, оказавшись после боев с превосходящими силами белых высоко в горах, так сказал своей небольшой группе бойцов:

— Каждый из нас сам по себе, как бы он ни был храбр и бесстрашен, — это только один человек. Но давайте-ка соединим ладони так, чтобы наши пальцы сплелись, и положим их на эту вот снежную глыбу. Кладем... Видите, как быстро она начала таять? А если весь народ наш станет единым в борьбе за свою свободу —

разве он не растопит снег вот этой горной вершины? А если объединятся все народы, то они смогут гору поставить на гору, а сверху на них — еще пять гор... Нет предела силам свободных народов! Вот за это народное единство мы должны бороться!

...Могила Асланбека и то место, где он погиб, бережно сохраняются, ежегодно там бывают десятки тысяч людей со всех концов страны.

Никто не забыт и ничто не забыто — во всех селениях Чечни, как и во всех республиках Советского Союза, свято хранится память о тех, кто отдал жизнь за победу Советской власти, за родную землю.

«Народ непобедим, пока он помнит свое прошлое и своих героев» — поется в чеченской песне. Пусть об этом всегда помнят наши враги.

Есть оружие — с виду скромное,
Но могучее, как гроза...
Мне один военный, знакомый
Притчу мудрую рассказал:
— Мы любого гостя уважим,
Но иных я бы гнал взашей.
...Пролегал по республикам нашим
Путь заморского атташе.
И заметил взгляд его ловкий:
В отдалении, там и тут,
Реют «тайные установки»,
Устремленные в высоту,
Все ракетам сродни крылатым!..
...Иноземец напрягся, притих
И своим фотоаппаратом
Стал нацеливаться на них.
Он от взглядов чужих не скрывался:
Что ж, нахальным бывает враг.
А водитель машины смеялся:
Мол, нашел секреты, чудак!
Словно взмытые к небу стрелы
Напряженной тугой струны,
На пути их высились стелы —
Обелиски в память войны!
В память тех, кто героически подал
Нам пример, как дерзать в бою,
В память тех, кто жизнь свою отдал
За родную Отчизну свою,
В память всех, защитивших грудью
Наше счастье, отчий наш кров...
Вот какие увидел «орудья»
Соглядатай из дальних краев.
Эти каменные салюты

В честь героев великой войны
Напугали шпиона люто...
Ну, а разве они не грозны?!
Пусть пред ними в страхе немеет
Свора злобствующих «господ».
Память делает нас сильнее,
Память к бдительности зовет!
Позабыть обо всем, что было,—
Все равно, что вслепую идти.
И страна ничего не забыла,
И с прямого не сбить нас пути.
Мы все помним. Мы чтим Героев.
Подвиг их — как свет в маяках.
Нашу мощь удвоив, утроив,
Он сияет солнцем в веках.
Пусть же будут грозным ответом
Всем, кто новой жаждет войны,
Эти памятники-ракеты,
Что в бессмертье устремлены!

* * *

Деда и отцы накопили для нас громадное наследство — традиции, фольклор, память о прошлом, мечты о будущем. Ведь уже упоминалось, что чеченская письменность, литература (как письменности и литературы многих других народов Северного Кавказа) фактически родились вместе с Советской властью. На первых порах еще хватало устного наследия. Но когда мы начали говорить и писать по-русски, то перед нами открылись богатства других народов. На нас хлынул такой ошеломляющий поток всемирных достижений культуры, науки, литературы, что легко можно было, как соломинке, потеряться в нем. И только самобытность того фольклорногоклада, который заложили в фундамент нашего образования деда и отцы, помогла чеченской литературе сохранить своеобразие сюжетики и образности, свою интонацию.

В этой небольшой книжке я старался в меру своих скромных сил познакомить читателя с малой толикой бытующих в одном из уголков моей родной Горной Чечни преданий, легенд, притч и басен. Если хоть в какой-то мере мне это сделать удалось, я буду счастлив.

Вы уже знаете нашу поговорку: «У каждого разговора — сто концов». Я предупреждал в начале нашей беседы, что знаю, чем она кончится. Вот чем: стихотворением о богатырских тропах.

Бегут в горах извилистые тропы,
Что были неприступны сотни лет.

Там не услышишь легкий конский топот
И даже зверя не увидишь след.

Так тропы узки. Вьются, словно змеи.
Ступить опасно. Трудно устоять.
Но уж тому, кто здесь пройти сумеет,
Откроется такая благодать,

Такие виды и такие дали —
Не нагладишься, сколько ни смотри!
...Когда-то этот путь одолевали
Лишь нарты — из легенд богатыри.

Они на кручи скальные взбирались,
К вершинам гор, что пик стальных острей,
И потому в сказаньях назывались
Те тропы тропами богатырей.

И утверждали древние сказанья:
Коль проберется молодой джигит
По тропам тем в предутреннем тумане,
То будет к счастью путь ему открыт...

...Пути в горах по-прежнему тернисты,
И тропы ввысь арканами летят.
По ним шагают тысячи туристов,
И прыти их упрямой нет преград.

Они к горам, пожалуй, слишком строги,
Не прочь поохотать и поворчать:
«Так где же богатырские дороги?
Романтика-то в прошлом вся, видать?!»

Но нет! Пока мечта сияет ало,
Нас ждут борьба и жаркий труд взмахлб.
Ведь в жизни, как в горах, еще немало
Крутых и гордых богатырских троп.

К ним страшно подступиться маловерам,
И слабеньким они не по зубам.
Я назову одну лишь для примера
Ту, что так звонко именуют — БАМ!

.

Нет, век сейчас романтикой не беден,
Он на большие цели не скупой.
И нарты наших дней идут к победе
Неторной, богатырскою тропой!

Счастливого и вам пути, дорогой мой читатель!

ГРОДНО-303.

АВТОМАГНИТОЛА «ГРОДНО-303»

Любая дорога покажется короче с автомагнитолой «Гродно-303». Радиоприемник работает в диапазонах длинных, средних, ультракоротких волн. Магнитофонное устройство позволяет с высоким качеством воспроизводить музыкальные записи.

Устанавливается автомагнитола «Гродно-303» в салонах легковых автомобилей типа «Жигули», «Волга», «Москвич».

Цена — 255 руб.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

